
Ох, как же снова грудь болит, —
не Бог ли думает о встрече, —
ведь я известен как поэт,
и злость свою очеловечил...

Всё может быть, но в этот раз
от вихря болевого мне бы
не надломиться, словно вяз,
что кроной подпирает небо...

Но как? Где силы взять, ведь их
в душе почти что не осталось?
Вчера я был живой живых,
а нынче вызываю жалость...

Но в том и суть любой борьбы,
чтоб оказавшись в круговерти, —
всё ж пережить удар судьбы,
который равносителен смерти!..

И быть собой, верней, навек
им оставаться в полной мере!
Как будто, отвращая грех, —
шагнуть под выстрел револьвера.

Боль не сломает мою кость,
и я уверен: Бога встречу!
И что свою — чужую злость —
на жизнь, где смерть очеловечу!

Вновь я страдаю на износ
затем, чтоб, уж поверьте,
неповторимый свет берёз
не меркнул в круговерти.

Чтоб верить в вечную любовь
и быть ей верным очень,
как день печально ни суров,
ни страшен холод ночи.

Чтоб, если вновь слагать стихи,
то с вещей силой сердца,
когда избыты все грехи,
но полнит жизнь бессмертье.

Мне от судьбы не убежать,
но знайте вы, хоть тресни, —
могу я сам себя карать! —
чтоб миловать по чести!..

Своих убийц в лицо не вижу,
но остро чувствую сквозь тьму,
что руки страшные всё ближе,
всё ближе — к горлу моему!

Вот-вот и захриплю в душу,
чтоб вскоре обратиться в труп!
Напрасно жизнь в любви не слушал, —
зря смерти был однажды люб...

Ударяются в грудь —
и летят во все стороны
твои злые проклятья,
будто чёрные вороны.
Но ведь я же люблю, так люблю,
что хоть плачь —
от нежданных, но страшно худых неудач...

Только верую я, что полюбишь,
полюбишь,
пусть случается быть мне и резким,
и грубым!

Пусть навек обречён на страданье лихое,
будто мне, как солдату, не выйти из боя...

Но чем яростней боль,
тем святее желанье
умирать, так в любви
на звенящем дыханье!

Ты в обиде меня можешь
даже не слышишь.
Но к тебе снизойдёт милость
Божия свыше...

Всё пройдёт в этой жизни летящей:
страх, надежда,
счастье, печаль.
Вот и мнится мне так щемяще
жутко чёрной небесная даль.

Словно с веток замерший иней
я виденья —
страхну башкой!..

Пусть любви мне не знать отныне,
если ненависть содохнет с тоской.

Цепляясь чуть ли не зубами
за ветвь берёзки молодой,
горит листва последней пламя
на фоне кладки неземной.

Вступаю в пламя, чтоб согреться,
до слёз на холоде продрог,
и тяжко, гулко бьётся сердце
в преддверии земных тревог.

Любовь моя, навек родная!
так и в душе твоей теперь,
встаёт от края и до края —
лишь стужа ледяных потерь...

Как не хочу я верить в это!
И до конца — не откажусь
заветно ожидать рассвета,
где с нами счастье, а не грусть.

Пусть останусь лишь с корытом
разбитым вдребезги — зато
по праву возведу открыто:
любви был верен, как никто...

Вот тоже невидаль какая! —
могу услышать я в ответ.
Но лишь тогда душа живая,
когда хранит надежды свет...

Как тополиный пух, снежинки
кружатся в воздухе дневном.
И ветер серых туч косынки
полощет в небе распашном.

О, жизнь, нечаянная радость,
хоть раз до счастья поднимись!
Обидно очень часто падать,
а не взлетать душою в высь!..

И не могу остаться лишним,
когда исполнен сил больших
в любви цветущей, словно вишня,
в разгаре самом стуж земных...

Вновь плывут и плывут облака
мрачноватые,
словно в печали.
Потому, как душа нелегка,
Не рванёшься за ними в дали.

Но совет из перьев любви
В самом сердце гнездо золотое.
И попробуй,
светло не живи, —
Сразу вспомнится горькое, злое!..

Повезло мне с душой, повезло!
Только надо,
пока не поздно,
каждый день из стихов зело
зажигать в небе жизни звёзды...

Пойду-ка в парке стихи слагать,
мечтать да просто насвистывать, —
такая в душе моей благодать
по ранней весне неистова!

Я жизнь люблю! Её солнечный свет
озаряет путь на года и вёрсты!
Как будто небо-огонь в ответ
зажигает всполохами звёзды...
О сколько их! И все до одной —
серебристые, ярко лучистые!
Летел бы к ним и летел душой —
сквозь время сумрачно мгlistое.
Только мне от распева птиц,
от белок,

искры сыплющих щедро,
земля представляется без границ
рождающим вечные жизни кедром!..

Врастаю в нее корнями глаз —
как будто в вечное счастье...
И верю,
любовь меня заждалась,
хоть день пошёл на ненастье...

Звени душа! А сердце стучи!
Взгляд полыхай заоблачным светом!
Пришёл поэт,
чьи стихи-лучи
исполнены солнцем и ветром!

«Они оставили после себя громадный след...»

21 апреля в Якутске состоялся торжественный вечер, посвящённый 100-летию народного поэта Семёна Данилова и 95-летию его младшего брата — народного писателя Якутии Софрона Данилова

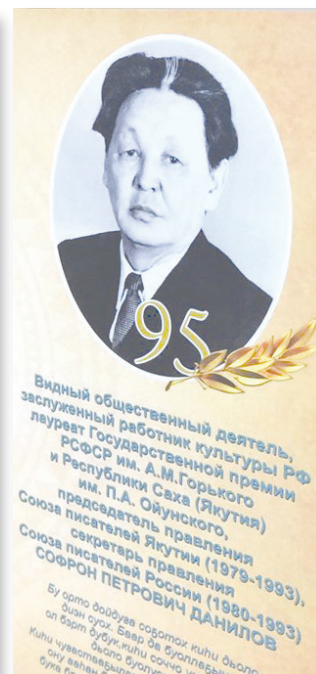
Открыв встречу, артисты Саха академического театра представили переполненному залу композицию по стихам Семёна Данилова. Затем о творческом пути братьев, об их важнейшем вкладе в культурное развитие республики рассказала народный поэт Якутии, председатель Союза писателей и советник главы региона Наталья Харлампьева. В развёрнутом выступлении она отразила всё многообразие деятельности Даниловых, рассказала, как происходившие из бедной семьи братья сумели получить образование, начали сочинять собствен-

Роль братьев в становлении якутского литературного слова особо отметил и заместитель председателя правительства республики Михаил Гуляев, передавший поздравление собравшимся от имени главы Якутии Егора Борисова. Он сообщил, что к юбилейным датам готовится выпуск художественного фильма о жизни Семёна и Софрона Даниловых и планируется установка памятника на их малой родине в Горном улусе.

По мнению председателя Госсобрании Республики Саха Александра Жиркова, Даниловы стали ярчайшими представителями третьего поколения якутской интеллигенции. «Два брата плодотворно работали вместе больше тридцати лет. Они оставили после себя громадный след не только на литературном поприще, но и в общественной жизни республики. Якутяне никогда не смогут предать забвению их имена», — заключил спикер парламента.

На торжественном собрании выступили председатель Ассоциации писателей Якутии Олег Сидоров, народный писатель Николай Лугинов, председатель Союза писателей республики Саха Иван Мигалкин и многие другие.

Для всех пришедших почтить память Даниловых на первом этаже театра была организована выставка книг о жизни и творчестве братьев. Ранее посвящённые им литературные вечера прошли во всех главных библиотеках города и районных центров, к юбилею вышли новые издания писателей, было принято решение создать сквер Даниловых с их памятником возле дома, где жили знаменитые братья.

ные произведения и, в конце концов, встали в один ряд с великими якутскими писателями. «То, что сейчас в книжных магазинах мы наблюдаем большое разнообразие литературы на языке саха, во многом является заслугой Семёна и Софрона Даниловых», — подчеркнула народный поэт.